

ЛИ БАРДУГО

Крат
и
Восход

Издательство АСТ
Москва

*Моему отцу Харви.
Порой наши герои не доживают до конца.*

ГРИШИЙ

СОЛДАТЫ ВТОРОЙ АРМИИ
МАСТЕРА МАЛОЙ НАУКИ

КОРПОРИАЛЫ
(ОРДЕН ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ)

СЕРДЦЕБИТЫ
ЦЕЛИТЕЛИ

ЭФИРЕАЛЫ
(ОРДЕН ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ)

ШКВАЛЬНЫЕ
ИНФЕРНЫ
ПРОЛИВНЫЕ

СУБСТАНЦИАЛЫ
(ОРДЕН ФАБРИКАТОРОВ)

ПРОЧНИКИ
АЛКЕМЫ

Гигантского червяка звали Изумруд, и ходили слухи, что именно он проделал туннели, раскинувшиеся под Равкой. Прожорливое чудовище съедало ил и щебень, закапываясь все ниже и ниже в поисках чего-то, что утолило бы голод, пока не оказалось слишком глубоко под землей, затерявшись во тьме.

Это просто легенда, но жители Белого собора все равно побаивались отходить слишком далеко от проходов, разветвляющихся вокруг главных пещер. В тусклых лабиринтах туннелей разносилось эхо странных звуков — стоны и бурчание; в зябких закоулках тишину нарушало тихое шуршание, которое могло ничего не значить, а могло быть шорохом длинного извивающегося тела, ползущего по ближайшему проходу в поисках добычи. В такие моменты было легко поверить, что Изумруд до сих пор обитает где-то, ожидая, когда ему бросят вызов герои, и мечтая о прекрасном ужине из какого-нибудь несчастного ребенка, который забредет к нему в пасть. Такие чудища не умирают; они затаиваются на время.

Мальчик рассказал девочке эту легенду и многие другие — все новые слухи, которые удалось собрать в те дни, когда ему еще дозволялось ее посещать. Он предпочитал сидеть рядом с ее кроватью, упрасывая что-нибудь съесть, слушая болезненные хрипы в ее легких и рассказывая предание о реке, укрощенной могущественным проливным и обученной просачиваться сквозь слои горных пород в поисках волшебной монеты. Мальчик шепотом поведал о проклятом бедняге Пелекине, который тысячу лет орудовал волшебной киркой, оставляя за собой пещеры и проходы — одинокое существо в поисках золота и драгоценностей, которые ему не суждено было тратить.

Но одним утром мальчик обнаружил, что путь к комнате девочки перекрыт вооруженными мужчинами. И когда мальчик отказался уходить, его оттащили от двери в цепях. Священник предостерег, что вера принесет ему успокоение, а покорность — позволит дышать.

Запертая в клетке, совсем одна, если не считать капающей воды и медленного биения собственного сердца, девочка знала, что легенды об Изумруде — правда. Ее слопали целиком, проглотили, и под алебастровыми сводами Белого собора осталась только святая.

* * *

Каждый день святая просыпалась под звуки воспевания собственного имени, и каждый день ее армия прирастала. Ряды пополнялись изголодавшимися и потерявшими надежду, ранеными солдатами и детьми, едва повзрослевшими, чтобы держать ружье в руках. Священник говорил

верующим, что однажды она станет королевой, и они верили. Но ее побитые и загадочные придворные вызывали вопросы: смольноволосяя шквальная с острым язычком, Сокрушенная, скрывающая безобразные шрамы под черной паломнической шалью, бледный ученый, ютящийся со своими книгами и странными инструментами. Все они были жалкими остатками Второй армии — неподходящая компания для святой.

Мало кто знал, что она сломлена. Чем бы ни была ее сила — благословением или проклятьем, она исчезла — ну или, по крайней мере, находилась вне доступа. Последователи держались от святой на расстоянии и не могли видеть, что ее глаза стали темными впадинами, что дышала она прерывистыми рывками, будто в испуге. Ходила она медленно, осторожно неся свои иссохшие хрупкие кости — болезненная девочка, на которую возлагались все надежды.

На поверхности правил новый король со своей призрачной армией, и он требовал возвращения заклинательницы Солнца. Он сыпал угрозами и сулил награды, но получил в ответ вызов от разбойника, которого люди окрестили Принцем Воздуха. Он ударил по северной границе, подорвав линии снабжения, и тем самым принудил Короля Теней возобновить торговые пути и путешествовать через Каньон наудачу, под защитой лишь огня инфернов, чтобы приструнить монстров. Некоторые поговаривали, что этим дерзким соперником был принц Ланцов. Другие считали, что это фьерданский мятежник, отказавшийся сражаться на стороне ведьм. Но все сходились в одном: он тоже могущественен.

Святая сотрясала прутья своей подземной клетки. Это — ее война, и она требовала свободы, чтобы бороться. Священник ей запретил.

Но он забыл, что, прежде чем стать гришей и святой, она была привидением Керамзина. Они с мальчиком копили тайны, как Пелекин копил сокровища. Они умели быть и ворами, и фантомами, умели скрывать силу так же искусно, как шалости. Как и учителя в поместье князя, священник думал, что знает, на что способна девочка.

Но он ошибался.

Он не слышал их тайного языка, не понимал решимости мальчика. Не заметил того момента, когда девочка перестала нести свою слабость как бремя и начала носить ее как обличье.

Я стояла на высеченном в камне балконе, раскинув руки, дрожа в своей жалкой мантии, и пыталась играть хороший спектакль. Мой кафтан был сшит из лоскутков наряда, в котором я сбежала из дворца, и пестрых штор, которые, как мне сказали, изъяли из закрывшегося театра где-то рядом с Салой. Отделку составляли бусины, снятые с люстры в тамошнем фойе. Вышивка на рукавах пообтрепалась. Давид и Женя сделали все возможное, но их ресурсы под землей ограничены.

Издавдалека кафтан выглядел вполне сносно, мерцая золотом в свете, который будто бы исходил из моих ладоней, посылая яркие лучи на восторженные лица последователей далеко внизу. Вблизи же было видно, что нити распустились, а блеск — искусственный. Прямо как я. Потрепанная святая.

Голос Апрагата громом пронесся по Белому собору, и толпа закачалась с закрытыми глазами и воздетыми руками, как маковое поле, где руки — словно бледные стебельки, потревоженные ветром, которого я не чувствовала. Я повторила хореографическую серию жестов, двигаясь мед-

ленно, чтобы Давид и любой инферн, помогавший ему этим утром, могли проследить за моими действиями со своего места в нише, скрытой прямо над балконом. Утренние молитвы приводили меня в ужас, но, по словам священника, эти напускные представления были необходимы.

«Это — твой дар людям, Санта-Алина, — говорил он. — Это — надежда».

На самом деле это иллюзия, тусклый намек на свет, над которым я некогда властвовала. Золотые отблески — в действительности огонь инферна, отраженный от разбитой зеркальной тарелки, которую Давиду удалось смастерить из спасенных осколков. Она походила на те тарелки, которые мы использовали в неудачной попытке остановить орду Дарклинга во время битвы в Ос Альте. Нас застали врасплох, и ни моя сила, ни наша стратегия, ни изобретательность Давида и предприимчивость Николая не смогли предотвратить бойню. С тех пор мне не удавалось призвать даже лучик света. Но большинство из прихожан Апрата никогда не видели, на что способна их святая, так что пока этой уловки было достаточно.

Священник завершил проповедь. Это был наш сигнал к финалу. Инферн позволил свету ярко вспыхнуть вокруг меня. Луч лихорадочно подпрыгивал и дрожал, а затем наконец померк, когда я опустила руки. Что ж, зато теперь я знаю, кто сегодня на огненном дежурстве с Давидом. Кинула хмурый взгляд на пещеру. *Хэршоу*. Его постоянно заносило. Из битвы в Малом дворце выбралось три инферна, но одна умерла от ранений всего через пару дней. Один из двух оставшихся,

Хэршоу, был самым могущественным и непредсказуемым.

Я спустилась с платформы, желая побыстрее избавиться от общества Апрата, как вдруг оступилась и подалась вперед. Священник схватил меня за руку и придержал.

— Осторожнее, Алина Старкова. Ты слишком беспечно относишься к своей безопасности.

— Спасибо, — кивнула я. Мне хотелось отстраниться от него, и от выворачивающего наизнанку смрада сырости и ладана, который тянулся за ним, куда бы он ни шел.

— Ты сегодня плохо себя чувствуешь?

— Нет, просто неуклюжая.

Мы оба знали, что это ложь. Я окрепла с тех пор, как пришла в Белый собор — мои кости срослись, еда оставалась в желудке, — но все равно оставалась хилой, тело изнывало от болей и постоянной усталости.

— Возможно, тебе не помешает день отдыха.

Я сжала челюсти. Очередной день взаперти в моей пещере. Подавила чувство раздражения и слабо улыбнулась. Я знала, что он хочет увидеть.

— Я замерзла. Немного отогреться в котельной было бы кстати.

Строго говоря, это правда. Кухня — единственное место в Белом соборе, где не так сыро. Сейчас уже должны были разжечь как минимум один из утренних очагов. Большая круглая пещера наполнится запахами свежевыпеченного хлеба и сладкой каши, которую повара готовили из сухого гороха и порошкового молока — запасов, поставляемых союзниками с поверхности и накопленных пилигримами.